

Ветр проуже доbruоуце шпелми, и пр
 епѣхомъ цоцрь градъ сера
 доетѣ не
 и зрече
 нно
 го
 "

*Ветер же был
 хорош весьма,
 и приплыли
 в Царьград
 с радостью
 неизреченною.*

Миниатюра к по-
 вести «Хождение
 Пименово в Царь-
 град» из Лицевого
 летописного свода
 XVI века.

Московиты на берегах Босфора

Валерий Перхавко

Т Будучи крупнейшим политическим, церковным и торговым центром Средневековья, Царьград издавна манил не только претендентов на Русскую митрополию кафедру и паломников и среды духовенства, но и купцов, стремившимся побывать на его рынках. И для тех, и для других он являлся также перевалочным пунктом на дальнейшем пути на Афон, в Малую Азию, в Палестину и Египет. Их небезопасные для жизни поездки к берегам Босфора продолжались и после установления на Руси в XIII в. ордынского ига, и в период начавшегося в XIV в. возвышения Московского княжества, и после за-

хвата турками-османами Константинополя в 1453 г.

Русских людей, путешествовавших в XIV-XVI вв. в Царьград подстерегали неожиданные нападения татар и лихих казаков в причерноморских степях, морских пиратов (в Черном море), бури и шторм, нехватка пресной воды, непривычная пища. И далеко не всем из них посчастливилось вернуться домой или хотя бы добраться до заветной цели. В отличие от домонгольской эпохи, в XIV-XV вв. путешествовавшие из Руси в Византию не плавали в Черное море по Днепру, что было связано как с препятствиями для судов в районе

днепровских порогов, так и с татарскими набегами. Гораздо большее значение в эпоху ордынского ига приобрел Черноморско-Донской путь. Чаще всего для поездок русских купцов, дипломатов, паломников в Стамбул использовался водный путь по Москве-реке, Оке, через волок к верховьям Дона, Азовскому и Черному морям, достигавший 3430 км. На его преодоление затрачивали до двух с половиной месяцев. Важными транзитными и торговыми пунктами на этом пути, о котором упоминает английский дипломат Джильс Флетчер (1589 г.), были Азов в устье Дона и Кафа в Крыму. Правда, для защиты

Русских людей, путешествовавших в XIV-XVI вв. в Царьград подстерегали неожиданные нападения татар и лихих казаков в причерноморских степях, морских пиратов (в Черном море), бури и шторм, нехватка пресной воды, непривычная пища. И далеко не всем из них посчастливилось вернуться домой или хотя бы добраться до заветной цели.

Крест-реликварий. Россия, конец XV – начало XVI в.
Золото, жемчуг; штамповка, гравировка. 8, 7 x 5,3 см.
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

Схема торговых путей, проходивших по России в XIV-XV вв.

1 – черноморско-донской путь; 2 – волжско-каспийский путь в Персию и сухопутные дороги, соединяющие Волгу с Доном; 3 – сухопутные дороги к Белгороду и морской путь в Константинополь; 4 – водный путь из Холмогорья на Северную Двину и Печору; 5 – караванный путь в Среднюю Азию; 6 – водный путь из Новгорода Великого в Балтийское море; 7 – путь в Индию.

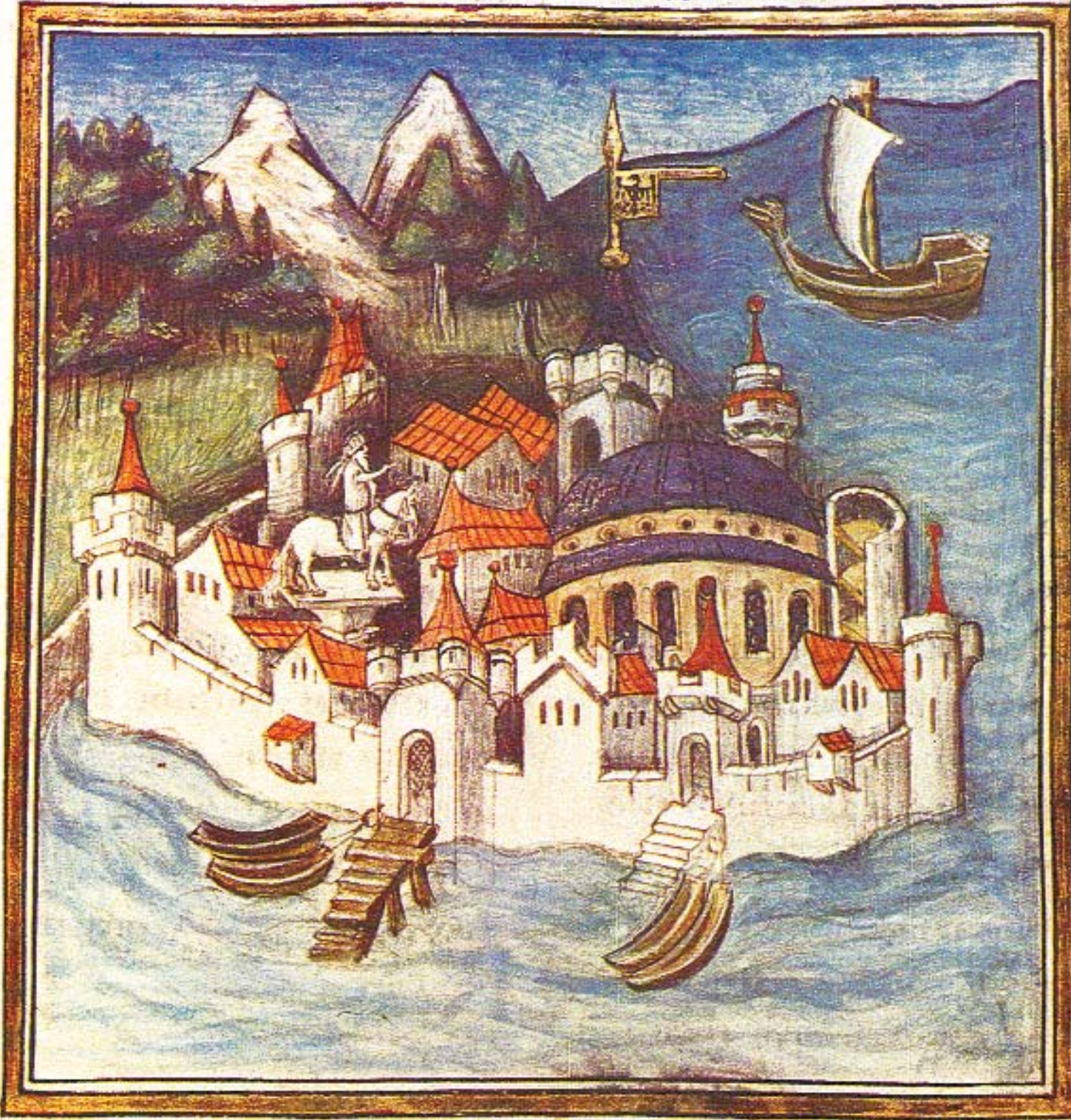
Город Константинополь. Миниатюра из манускрипта «Notitia Dignitatum». XV в. ➡
Бодлеанская библиотека, Оксфорд.

Донского пути от грабительских налетов казаков и московским, и турецким властям приходилось направлять военные отряды. Из-за притеснений крымских и литовских властей, а также нападений татар реже путешествовали в столицу Османской империи по более коротким (2400 км.) сухопутным маршрутам: 1) через Путивль, Перекоп, Белгород-Днестровский (Аккерман); 2) через Смоленск, Минск, Слуцк, Туров, Каменец-Подольский, Яссы, к низо-

Важными транзитными и торговыми пунктами на этом пути, о котором упоминает английский дипломат Джильс Флетчер, были Азов в устье Дона и Кафа в Крыму. Правда, для защиты Донского пути от грабительских налетов казаков и московским, и турецким властям приходилось направлять военные отряды.

CIVIS CONSTANTINOPOLITANA NOVA ROMA.

вьям Дуная. Игумен Агрефений (Грефений) в своем «Хождении» (около 1370 г.) писал: «Есть же путь от Русския земли западняя, от Москвы и от Тфери, до Смоленска...». Из Белгорода-Днестровского, расположенного в устье Днестра, можно было доплыть в Стамбул и по морю. В Белгороде-Днестровском, на Черно-

морском побережье Болгарии (Калиакрия, Кранево, недалеко от Варны) обнаружены следы путешествий русских людей по морю в Царьград бронзовые кресты-складни (энколпионы), изготовленные на Руси.

Двигаясь на юг, к Царьграду, московиты проплывали мимо древних городов Месемврии (совр. Несебр)

и Созополя. Чуть дальше находился вход в Босфорский пролив (длиной 28,5 км. и шириной от 750 до 3300 м.), соединяющий Черное море с Мраморным. Продвижение по Босфору к Константинополю ускоряло поверхностное черноморское течение скоростью 5 км. в час. Однако весной по причине таяния снегов

И немного подождал он согласно данному слову, но вскоре отплыл на кораблях по Волге к Сарая,

Миниатюра к «Повести о Митяе» из Лицевого летописного свода XVI века.

в долине Дуная и других крупных рек, впадающих в Черное море, а также из-за северных ветров нередко в самой узкой части Босфора, в районе мыса Шайтанбурну, на подступах к бухте Золотой Рог, скорость течения достигает 7-9 км. в час, и образуются сильные водовороты. Посему русские чаще всего не рисковали заплывать сюда ранее конца мая – июня и позже октября, когда с ноября плавание по Черному морю опять становилось небезопасным.

Добравшись до Константинополя, москвиты вздыхали с облегчением и спускались на берег, где их ожидала встреча с христианскими святынями и другими памятниками. В анонимном русском описании Царьграда начала XIV в. автор обратил внимание на дворец императора Константина Багрянородного, украшенный каменными скульптурными изображениями медведей, зубров, орлов и баранов, крылатых собак. У его стен располагались разрушенные термы – «мовница Костянтинова высоко велми, да и вода возведена была там и корыта аспидна (из яшмы В.П.), желобы были аспидныи, да уже все потеряно». Русские с удивлением осматривали константинопольский ипподром («игрище») с его тремя сохранившимися колоннами: египетским обелиском с иероглифическими письменами из Луксора (XVI в. до н.э.), «Змеиной» колонной из храма Аполлона в Дельфах (V в. до н.э.) и Колоссом ранневизантийской эпохи с рельефными изображениями сцен на скачках. Но гораздо больше места в хождениях занимает обзор православных храмов и монастырей Царьграда.

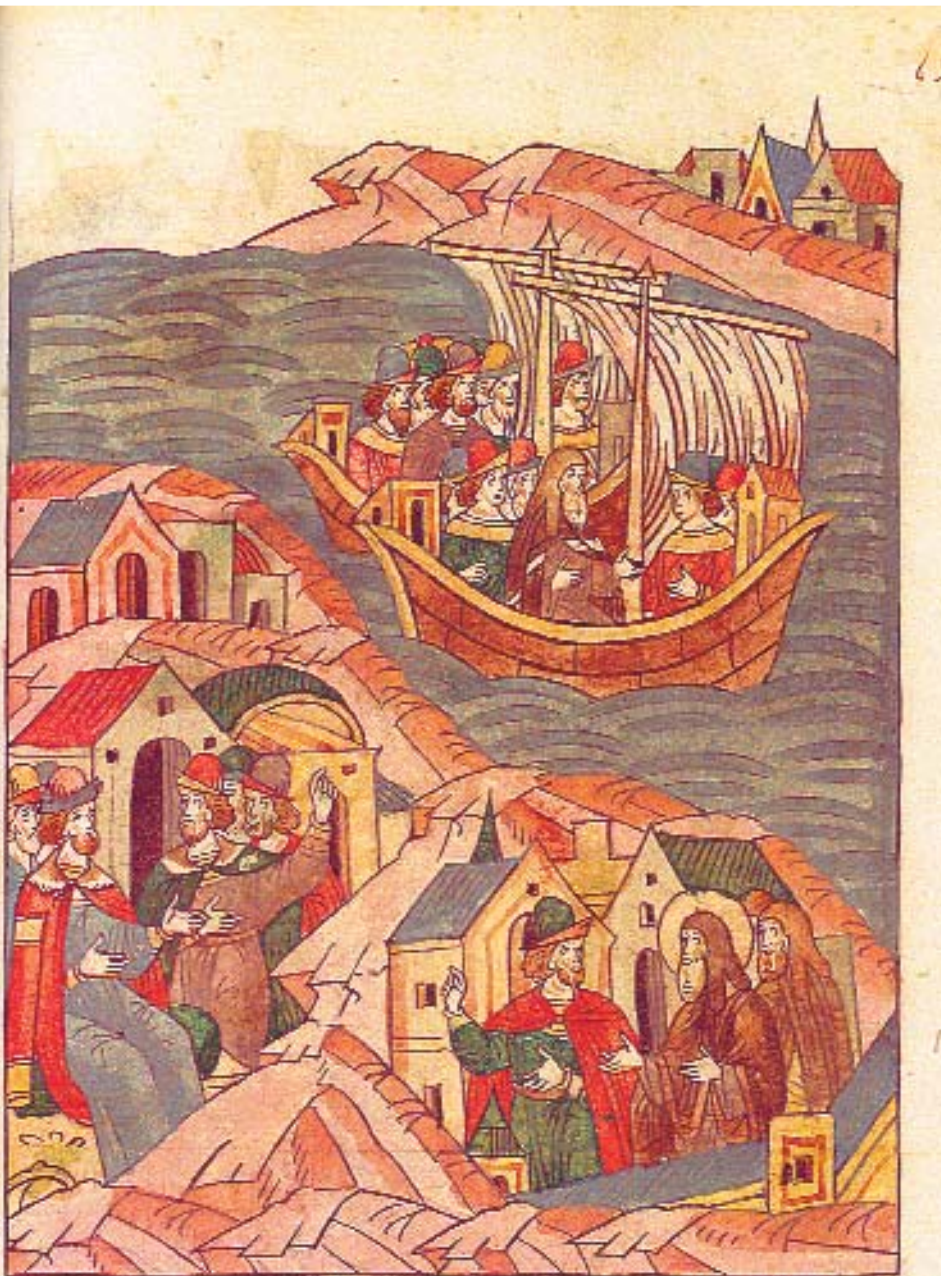
Византийское духовенство, надо сказать, отличалось сребролюбием. И не так просто было неимущим паломникам прикоснуться ко всем

а оттуда к Царьграду. Изменил он своему обещанию, данному великому князю, а поручителя своего, преподобного игумена Сергия, предал.

Миниатюра к «Повести о Митяе» из Лицевого летописного свода XVI века.

христианским святыням Второго Рима. За услуги проводников-гидов приходилось платить. «А в Царьград, аки в дубраву велику вништи: без добра вожа не возможно ходити, скупо или убого не можеши видети ни целовати ни единого святого, разве на праздники которого святого будет, то же видети и целовати», – отмечал в XIV в. новгородец Стефан, автор одного из хождений.

В «Повести о Митяе» (около 1382 г.), дошедшей в трех редакциях, рассказывается о поездке в Царьград претендента на митрополичий престол, архимандрита, великокняжеского духовника Михаила-Митяя, скончавшегося на Босфоре, в корабле, и похороненного в Галате – торговом районе Константинополя, заселенном выходцами из католических стран (преимущественно итальянцами из Генуи). В 1398 г. в Константинополь путешествовал один из участников Куликовской битвы, инок Троице-Сергиева и Старога Симонова монастыря Андрей (в миру Родион) Ослябя, доставивший денежную помощь из Москвы. По заказу его сына Тимофея Родионова, тогда же «в царствующем Коньстантинополи, в державное лето царя Мануила Палеолога» перевели на с греческого на русский язык «Историю о взятии Иерусалима римлянами» Иосифа Флавия. В 1401 г. в Константинополе неким «грешным Афанасием» был переписан Иерусалимский церковный устав «Око церковное». Как видим, Царьград продолжал играть важную роль в культурных связях Руси.

В 1411 г. московский великий князь Василий I решил выдать свою дочь Анну замуж за византийского царевича Иоанна. По предположению их свадьба вроде бы состоялась

Ѡ поудѣ ко црѣ граду Ѡ вѣщаніе спое
 Ѡ великомоу князю изменна
 Ѡ поучниа своего
 Ѡ вѣщаніа
 Ѡ игумена
 Ѡ сергия

И было, в полночь корабль стоял на якорях. И некие в городе оклеветали нас перед фрягами*, и догнали нас фряги на сандаляцах**, и заскочили в корабль стремительно к нам. И был топот великий на помосте корабля, и что там происходило, никто не ведал.

Миниатюра к повести «Хождение Пименово в Царьград» из Лицевого летописного свода XVI века.

* Фряги – старинное название итальянцев на Руси, в частности купцов из Венеции или Генуи.

**Сандал – небольшое одномачтовое каботажное судно у крымских татар и турок. Итальянские корабли названы тем же словом, видимо, по аналогии.

И так оттуда начал нас страх охватывать, ибо вошли в землю Татарскую; их же (татар) множество на обеих сторонах Дона реки, словно песок.

Миниатюра к повести «Хождение Пименово в Царьград» из Лицевого летописного свода XVI века.

лишь в 1414 г. Так русская княжна стала византийской принцессой. Сопровождал ее в Царьград иеромонах Троице-Сергиева монастыря Зосима, который позже, в 1419-1422 гг., совершил паломническое путешествие через столицу Византии в Солунь, на Афон и в Палестину и оставил его описа-

Вроде бы ходил в Царьград за благословением патриарха Константинопольского Анастасия и рязанский епископ Иона, избранный в 1448 г. Русским церковным собором митрополитом Московским и всея Руси. Но после 1453 г. добираться туда стало сложнее, «понеже турки путь Царяграда отьяша», – говорится в одном из хронографов русской редакции.

ние. Вроде бы ходил в Царьград за благословением патриарха Константинопольского Анастасия и рязанский епископ Иона, избранный в 1448 г. Русским церковным собором митрополитом Московским и всея Руси. Но после 1453 г. добираться

туда стало сложнее, «понеже турки путь Царяграда отьяша», – говорится в одном из хронографов русской редакции. Тем не менее, туда продолжали ездить из Руси и паломники, и торговцы. Среди последних преобладали московские гости-суро-

Атлас золотный. Турция, конец XVI в.
Ручное ткачество.
Государственная Оружейная палата,
Москва.

Данный атлас – фрагмент верхнего кафтана царя Михаила Федоровича, подаренного царю в 1632 году архимандритом Амфилохием, прибывшим в Москву в составе турецкого посольства от константинопольского патриарха Кирилла. Сам турецкий посол Магмет-Ага и другие члены его посольства преподнесли русскому царю и патриарху семь кусков узорного золотного атласа.

жане, специализировавшиеся на торговле с Крымом, Турцией, другими восточными и южными странами. Они привозили из Стамбула шелк, специи, вина и другие товары.

Имеется косвенное свидетельство о поездке в Константинополь зна-

менитого тверского купца Афанасия Никитина, автора «Хождения за три моря». Посетив во время пребывания в Индии главный буддистский религиозный центр в Парвате, Афанасий сравнил огромную каменную статую Будды с константинопольской скульптурой императора Юстиниана I: *«руку правую поднял высоко да простер, акы Устьян царь Царяградскы»*. Более подробно описал этот монумент новгородец Стефан в XIV в.: *«Ту стоит столп чуден вельми толстотою и высо-*

тою и красотою, издалеча с моря видети его. И на верху его сидит Иустиниан Великы на коне вельми чуден: акы жив, в доспесе сороцинском, грозно видети его, а в руце яблоко злато велико, а в яблочце крест, а правую руку от себе простер буйно на полдни на Сороцинскую землю, к Иерусалиму».

В Стамбул дважды заезжал в 1465-1466 гг. (по дороге в Палестину и Египет и на обратном пути на Русь) некий гость Василий, который, увы, опасаясь, по-видимому, турецких властей новой столицы Османской импе-

В Стамбул дважды заезжал в 1465-1466 гг. некий гость Василий, который, увы, опасаясь, по-видимому, турецких властей новой столицы Османской империи, не составил никаких путевых заметок. Для историков, несомненно, было бы интересно ознакомиться с впечатлениями православного человека, наблюдавшего повседневную жизнь Константинополя спустя 12 лет после падения Византии.

Слева:

Большой базар, Константинополь.
Гравюра из книги Томаса Аллома
«Constantinople and the Scenery of the
Seven Churches of Asia Minor» (1838 г.)

Справа:

Русский купец. Немецкая гравюра XVI в.

рии, не составил никаких путевых заметок. Для историков, несомненно, было бы интересно ознакомиться с впечатлениями православного человека, наблюдавшего повседневную жизнь Константинополя спустя 12 лет после падения Византии. Побывав после Стамбула в Бруссе (Бурсе, в 30 км. от побережья Мраморного моря, Малая Азия), бывшей столице Османского государства, он двинулся через Малую Азию по суше в Сирию. Там в Антиохии (Антее) Василий обратил внимание на расположенную в центре города «церковь святая София, а величеством со Цариградскую Софию, да в ней не поют».

Действительно, и сегодня, стоя под высоченными сводами Софийского собора Константинополя, восхищаясь грандиозной конструкцией византийских зодчих и строителей VI в., пережившей и землетрясения, и пожары, и нашествия иноземных завоевателей. Его стены были украшены высоко художественными мозаичными картинами с изображениями императоров и императриц. Еще одним свидетельством посещения москвитями города на берегу Босфора являются надписи-граффити, обнаруженные в константинопольской Софии. В отличие от древнерусских храмов, где надпись можно было процарапать по штукатурке любым острыми предметом (шилом, гвоздем, ножом), граффити в Софийском соборе Царьграда выбивались на мраморе при помощи специального инструмента. Судя по одной из них, в первой половине XV в. туда заезжал некий Данило из Нижнего Новгорода. Возможно, вскоре после 1453 г. на мраморной плите балюстрады центральной части второго этажа нартекса была сделана надпись («Господи, помози рабу

божию Естафию Москвит[ину]), датирующаяся по палеографическим данным второй половиной XV–XVI вв.

В 1496 г. был заключен первый договор между Московией и Турецкой империей. В ее столицу не раз приезжали русские послы: в 1499 г. – Александр Голохвастов, в 1515 г. – Борис Голохвастов, в 1515–1516 гг. – Василий Андреевич Коробов. Вместе с посольством А. Голохвастова в Стамбул отправились русские купцы, которые везли меха, холсты, конскую упряжь, седла и другие товары. В составе посольских караванов путешествовать было чуть безопаснее.

Из посольских книг конца XV – начала XVI в. известно, что турецкие власти Стамбула и других центров Османской империи заставляли русских выполнять разного рода городские повинности (доставка камня, земляные работы и др.), специальные чиновники («зауморичики») конфисковывали личное имущество и товары скончавшихся на чужбине купцов. В Стамбул ездили купцы не только из Москвы, но также из других русских городов. В 1495 г. там неожиданно скончался торговец из Вязьмы по имени Артем (Ортем), который взял в долг товары для продажи у зажиточного московского

гостя Степана Васильевича Дмитриева (Васильева). Турецкие чиновники-«зауморщики», конфисковав все вещи покойного, не вернули кредитору его имущество. Вот как описывается ставший обыденным произвол в отношении купцов в одном из русских дипломатических документов 1496 г. – статейном списке посольства Ивана III к турецкому султану Баязиду во главе с боярином М.А. Плещеевым: «А который человек умрет, и зауморщики товар его весь возмут. А будет человек пять или шесть в одном котле

(купеческом товариществе. – В.П.) и один человек из них разболится какою болезнью да еще жив, и они от него всех его товарищов отошлют, а у тех у всех его товарищов товар запечатуют; и как тот человек умрет, и они у всех у них товар возмут, а назовут товар того мертвого человека; а и не умрет, и они половину товару отдадут, другие не отдадут. А которой больной человек учнет товар свой давати брату своему, или племяннику, или с товарищем своим учнет посылати к жене своей

Именитые русские купцы пользовались доверием московской великокняжеской администрации, не раз выполняли самые ответственные ее поручения. 15 декабря 1512 г. из Москвы направили «торговых людей Алексея Можайтинова с товарищами для забрания оставшейся в Царьграде после Морозова рухляди».

← Церковь Св. Апостолов. 1310-1314 гг.
Стамбул.

да к детям, или к своему племяни, – и они еще у живого у него товар его отоймут, а товарищов его к нему не припустятъ». Русский дипломат Нашокин, посланный в 1592 г. в Турцию, писал, как султан обирал чиновников, а те народ, везде и всех грабили: и путешественники в дороге, и купцы не чувствовали себя в безопасности.

Русские купцы XVI–XVII вв., выезжавшие в страны Востока, часто выполняли поручения Казенного и Посольского приказов. Казна поручала им продавать ценные казенные товары (прежде всего, пушнину) и делать закупки для царского двора. Кроме того, внешнеполитическое ведомство средневековой России использовало торговых людей в качестве гонцов и информаторов. Именитые русские купцы пользовались доверием московской великокняжеской администрации, не раз выполняли самые ответственные ее поручения. 15 декабря 1512 г. из Москвы направили «*торговых людей Алексея Можайтинова с товарищами для забранія оставшейся в Царьграде после Морозова рухляди*». Доставку в Москву имущества умершего в Стамбуле русского посла И.С. Морозова могли поручить лишь хорошо известному и авторитетному в московских купеческих кругах человеку, каковым являлся Можайтинов, по-видимому, не раз возглавлявший торговые караваны. Тремя годами позднее купцов Ивана Варавина и Василия Копыла Спячего включили в состав посольства В.А. Коробова к турецкому султану для передачи великокняжеской милости православным монастырям

Также оттуда пошли к Апостольской церкви и поклонились, и целовали со многим страхом и трепетом святой столъ, к которому привязан и бит был Господь наш Иисус Христос в спасительной вольной его страсти, и сорок совершенных принял ран.

Миниатюра к повести «Хождение Пименово в Царьград» из Лицевого летописного свода XVI века.

Отслушав святую литургию, пошли из церкви на двор Константинов и видели там здание царское. Тут есть игрище царское, которое называется Ипсодромом, и там стоит столп медный, словно в три пряди свитый, вверху же разделены были те пряди, и на каждом конце тех прядей по змеиной голове, камнем и жемчугом украшенных. В том же столпе заклёпан яд змеиный. Были тут и иные столпы многие, каменные и медные, и чудеса многие. И много на них смотрели, дивясь.

Миниатюра к повести «Хождение Пименово в Царьград» из Лицевого летописного свода XVI века.

и торговал с Турцией. Он и члены его семьи неоднократно делали вклады в Троице-Сергиев монастырь, Успенский собор Московского Кремля и в монастырь св. Иоанна Златоуста в Москве, в синодиках которых сохранились поминальные записи рода Варавиных.

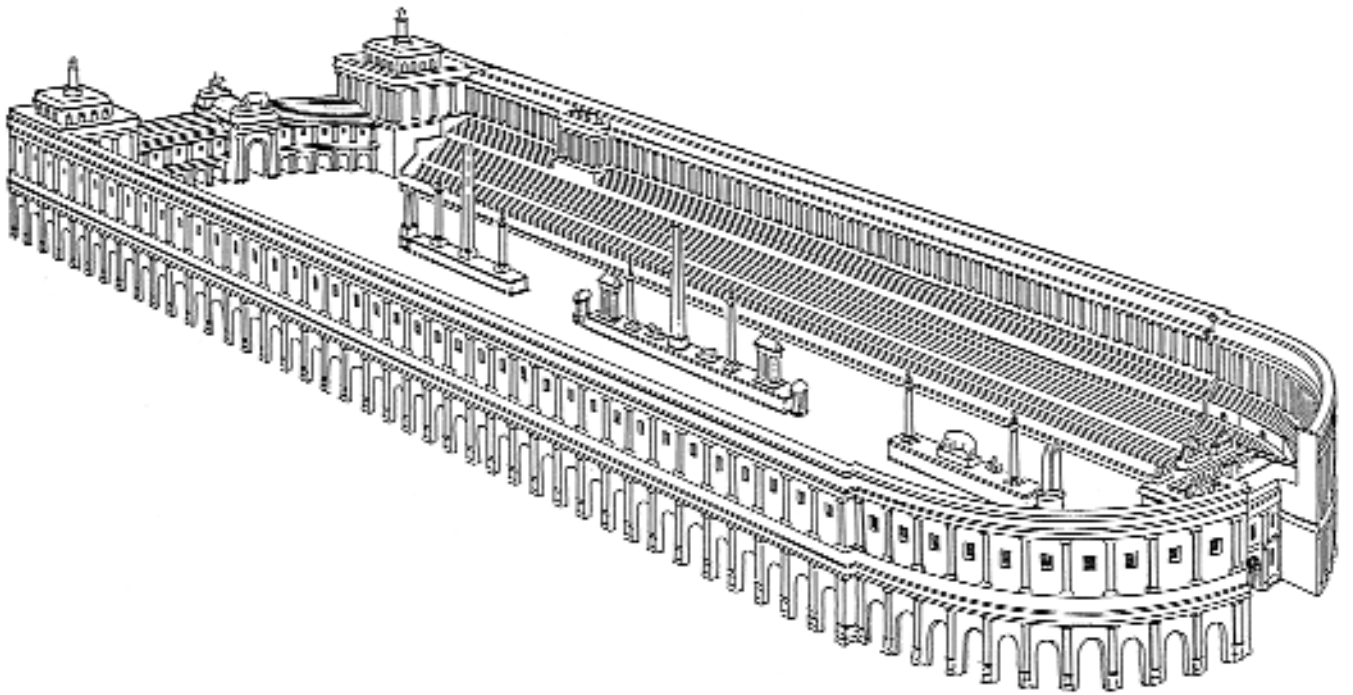
Согласно свидетельству Новгородской II летописи, 24 июля 1558 г. из Москвы в Царьград выехали архидьякон Геннадий в сопровождении гостей Мустафы, Андрея и Якова, смоленского купца Василия Позняка с сыном. Цель их поездки заключалась в раздаче царской милостыни православным монастырям Афона, Палестины и Синая. Возвращался Позняков из Святой Земли в Россию в начале 1561 г. также через Константинополь.

Еще одному московскому торговому человеку Трифону Коробейникову приписывается «Хождение», дошедшее в 400 списках и содержащее описание христианских реликвий Царьграда, Афона, Палестины, Сирии, Египта, заимствованные из «Хождения Василия Позняка». Впрочем, в литературе высказывались сомнения не только по поводу авторства Тр. Коробейников, но и относительно его принадлежности к купечеству (по предположению Х.М. Лопарева, Коробейников был не

Афона. В следующем году Коробов вернулся в Москву, а Варавин с Копылом, совершив поездку на Святую Гору, на обратном пути задержались

в Стамбуле, очевидно, для продажи и закупки товаров. Иван Варавин, судя по маршруту его поездки, принадлежал к числу гостей-сужан

Ипподром в Константинополе. Современная реконструкция.

Внизу:

Обелиск Феодосия на площади Ахмедие (бывший Ипподром), Константинополь. Гравюра из книги Томаса Аллома «Constantinople and the Scenery of the Seven Churches of Asia Minor» (1838 г.)

Св. Феодор Стратилат.
Портативная мозаичная икона.
Константинополь, первая четверть XIV в.
Смальта, дерево, мрамор, медь, воск
и смола. 9 x 7, 4 см.
Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург.

их лошадей там бесплатно кормили в течение трех дней.

В центре Стамбуле на торговой площади внимание путешественника привлек *«стол изчервлена багров, велик и высок, а под ним много чудесных мощей»*. По рассказам осведомленных, по мнению Коробейникова, людей поставил его *«царь Константин Флавиан и святых многие мощи под стол положил, да под ним же 12 укруп Христовых, да Ноева секера, чем делал ковчег, да на том же столте стоял ангел Божий и держал в руке своей скитетр, хранил им Царь град»*. Речь идет о порфировой колонне, привезенной когда-то из римского храма Аполлона. Обожженную и стянутую (дабы предотвратить дальнейшее разрушение) железными обручами, ее и сегодня можно увидеть в окружении многочисленных голубей на площади Чемберлиташ, недалеко от каравансарая XVII в. и главных ворот Большого рынка Стамбула.

Далее в «Хождении Трифона Коробейникова» 1593 г. приводится предание о попытке разрушения константинопольского храма святого Георгия, предпринимавшейся *«безбожным царем салтаном»*. Видение

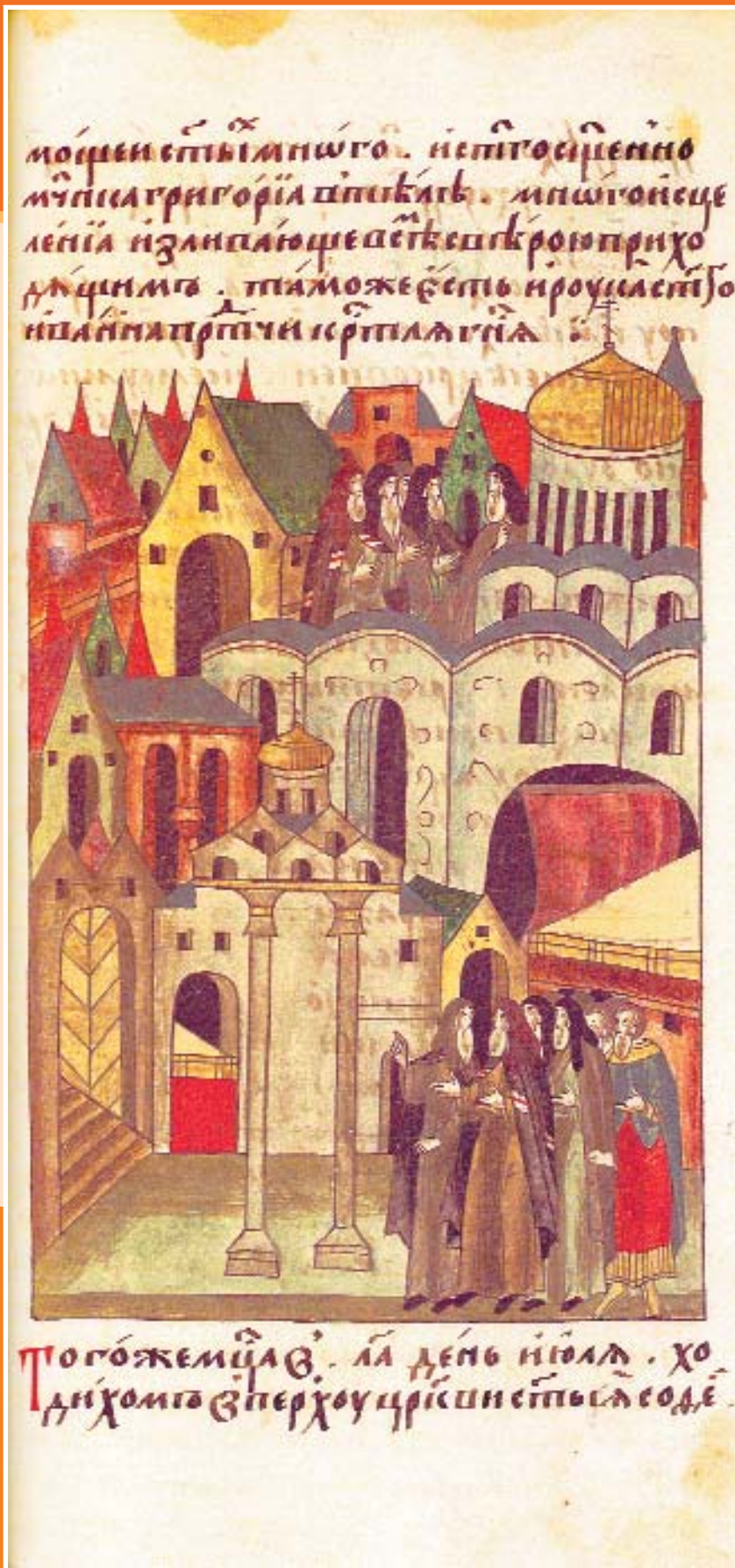
купцом, а подьячим). Как бы то ни было, он участвовал в 1582 г. в посольстве купца И.М. Мишенина, отправленного в Царьград и на Афонскую гору с милостыней на помин души убитого Иваном Грозным старшего сына, а в 1593-1594 гг. сопровождал дьяка М. Огаркова в поездке с *«заздравной милостыней»* в столицу Турецкой империи и Иерусалим по случаю рождения у царицы Ирины и царя Федора Иоанновича дочери Феодосии.

Во втором хождении Трифона Коробейникова (1593 г.) детально охарактеризован сухопутный маршрут из Москвы в Стамбул, с указанием точного расстояния между населенными пунктами. Особенно подробно им описывается постоянный двор в турецком г. Хапсте (Апсте), недалеко от Адрианополя: *«Да тут же зделаны полаты великие для приежих людей, а станет в одной полате человек 50 и с лошадами; и тем людем дают*

ести на день двожды – с утра 4-м человеком на блюдо патоки да по хлебу человеку, а вечерне каша хлебати, да в каше на человека по кости мяса, да блюда наши крутые, пиена сорочинского, с коровым маслом; а лошедем ячмени по мере». Купцов и прочих путешественников,

Далее в «Хождении Трифона Коробейникова» 1593 г. приводится предание о попытке разрушения константинопольского храма святого Георгия, предпринимавшейся *«безбожным царем салтаном»*. Видение святого воина, угрожавшего султану Мураду лишиться головы мечом, заставило его не только отказаться от намеченного злодеяния, но и осыпать храм пожалованиями.

Того же месяца июля в 31-й день ходили по верхнему ярусу церкви святой Софии.

Миниатюра к повести «Хождение Пименово в Царьград» из Лицевого летописного свода XVI века.

святого воина, угрожавшего султану Мураду лишить головы мечом, заставило его не только отказаться от намеченного злодеяния, но и осыпать храм пожалованиями. В Царьграде, как и в других местах (в Иерусалиме, Антиохии, на Синае) Трифон Коробейников и его спутник Михаил Огарков в 1593 г. раздавали щедрую царскую милостыню, в том числе константинопольскому патриарху Иеремие «500 угорских золотых да сорок собелей». Поменьше досталось православным митрополитам, священникам и монастырям (Иоанна Предтечи, мученика Христова Георгия, Пречистой Богородицы и др.).

1 марта 1588 г. в Царьград к патриарху, а также «в Афонские и прочие монастыри» с «заздравной и заупокойной» милостыней отправилось из Москвы посольство, в котором участвовали Иван Мишенин и торговый человек Марк Самсонов. Марком из Казенного приказа передали также 30 рублей для русских «учеников в Царьграде, велено им учиться и не выходить из воли царской». Речь шла о молодых людях, посланных Иваном IV к константинопольскому патриарху для обучения греческому языку.

К этому времени судьба давно уже связала столицу двух империй (Византийской и Османской) с Россией, где с XVI столетия распространяется доктрина «Москва – Третий Рим». Православное Российское царство восприняло эстафету от павшего по ударам турок-османов Второго Рима. Но средневековые русские книжники и после 1453 г. по-прежнему называли город на берегах Босфора Царьградом, Цесарьградом, Константиноградом, Седмохолмником, Новым Римом, а не Стамбулом.